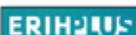

Зайцева Н. Г. Вепская свадебная терминология в этимологическом и лингвогеографическом аспектах (вепское vs. русское) / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 144—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-144-158.

Zaitseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (2019). Veps Wedding Terminology in the Etymological and Linguo-Geographical Aspects (Veps vs. Russian). *Nauchnyi dialog*, 10: 144-158. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-144-158. (In Russ.).

УДК 811.511.115:81'28+811.161.1'37::392.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-144-158

ВЕПССКАЯ СВАДЕБНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (ВЕПССКОЕ VS. РУССКОЕ)¹

© **Зайцева Нина Григорьевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-8335-2137, доктор филологических наук, руководитель сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (Петрозаводск, Россия), zng@ro.ru.

© **Жукова Ольга Юрьевна (2019)**, orcid.org/0000-0001-9527-7982, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук; доцент кафедры прибалтийско-финской филологии, федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), olgazhukovaveps@mail.ru.

Актуальность и новизна исследования заключается в проведенном на материале «Лингвистического атласа вепского языка» (Санкт-Петербург, 2019) этимологическом и лингвогеографическом анализе важных с точки зрения духовной культуры терминов, характеризующих группу свадебной лексики. Рассматриваемые термины (обозначения свадьбы, жениха и невесты) вписываются как в культурологический фон, так и в языковые процессы, отразившиеся в формировании диалектных ареалов вепского языка. Результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о воздействии русского языка на значительную группу вепских говоров, приведем к вытеснению и замене главных терминов свадебного обряда русскими лексемами (*свадьба, жених, невеста*). В исследовании подчеркивается особенность восточных (белозерских) говоров (периферия

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания (бюджетная тема АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

вепского языкового ареала), сохранивших собственные термины для наименования анализируемых понятий. Показано, что названные говоры характеризуются консервацией архаических признаков, наличием раритетных (в данном случае — *sa*) и этимологически затемненных (*oluh*) лексем, которым пока не удается обнаружить этимоны в родственных языках. Авторы полагают, что данный факт вкупе с иными особенностями говоров может свидетельствовать о следах субстрата, истоки которого еще предстоит выяснить.

Ключевые слова: вепский язык; лексика; терминология; этимология; лингвистическая география; языковые контакты; лексика свадьбы; жених; невеста.

1. Введение

Вепсы — один из малочисленных народов Российской Федерации, потомки древней веси, издавна проживали совместно с восточными славянами (русскими) на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Они упоминаются в «Повести временных лет» как один из народов, который вместе с русскими участвовал в призвании варягов на Русь. Вепсы почти одновременно с русскими приняли православие, и в дальнейшем их сосуществование отразилось на всех уровнях вепского языка.

При этом вепский — один из семи прибалтийско-финских языков — сохранил яркое исконное наследие, а также включает некоторые самобытные признаки, не имеющие аналогов в родственных языках. Вепсы довольно рано стали двуязычными. Известный финский языковед и фольклорист, автор «Калевалы» Э. Леннрот, один из первых в 1842 году совершивший поездку на вепские земли в поисках эпического наследия калевальского размера, отмечал в своих дневниках, что вепсы уже двуязычны и «...что через столетие вепский язык перейдет в предание, и в народе будут говорить, что в прежние времена их прадеды общались на каком-то другом, не русском языке» [Путешествия, 1985, с. 292—293]. Тем не менее в 1989 году возрождена вепсская письменность, вепский язык преподается в ряде школ Карелии, издается газета «Kodima» (Родная земля) и литературный альманах «Vezez tullei» (Свежий ветер), возникла и заняла свое место в финно-угорском мире вепскоязычная литература. Несомненную поддержку этим процессам оказали исследования вепского языка и вепской духовной культуры.

Изучение проблем вепского языка и поездки с целью сбора его материалов были предприняты в начале XIX века учеными Финляндии, а затем и Эстонии, а с 1950-х годов оно сосредоточилось в Республике Карелия, в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (КарНЦ РАН), где сформировалась научная филологическая школа по исследованию прибалтийско-финских языков.

Представления о диалектном членении вепского языка сложились в первой половине XX века, благодаря, прежде всего, полевым исследова-

ниям Э. Н. Сетьяля, совершившего две поездки к вепсам (в 1889 и в 1916 годах), а также Л. Кеттунена и Э. А. Тункело, предпринявших неоднократные экспедиции в места расселения вепсов. Анализ собранных материалов позволил им выделить в языке вепсов три диалекта — северновепский, или прионежский, средневепский и южновепский [Tunkelo, 1946, с. 15—17]. Наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) — на юго-западном побережье Онежского озера, средний — в бассейне Свири (западные говоры), на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные, или белозерские говоры), наконец, южный — на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна.

В группе средневепских принято выделять также так называемые переходные говоры, ареально тяготеющие к южным и бытующие в верховьях р. Капши (Тихвинский и Бокситогорский р-ны Ленинградской обл.). Это

Рис. 1. Диалекты вепского языка: карта

членение, основанное на наиболее значимых фонетических и морфологических маркерах, впоследствии было принято и российскими исследователями (см. карту на рис. 1).

В последнее время ведутся активные исследования в области ареальной лингвистики с привлечением различных методик: лингвистической географии, сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического освещения проблем фонетики, грамматики, лексики, ее этимологического анализа, результатов языковых контактов и т. д. Это нашло свое отражение на страницах крупного международного трехтомного труда «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [ALFE, 1—3, 2004, 2007, 2010], где полноценным объектом исследования выступает и вепский язык, а также опубликованного недавно самостоятельного «Лингвистического атласа вепского языка» [ЛАВЯ, 2019], где на материале фонетики, грамматики, лексики проведены изыскания, проливающие свет на проблемы формирования диалектных ареалов языка вепсов. Все разделы языка вносят свои коррективы в становление диалектных ареалов, однако в лексике становление внутреннего членения вепского языкового ареала отражается более отчетливо — в силу более выраженной подвижности лексического уровня на фоне других языковых уровней.

Материалы «Лингвистического атласа вепского языка» позволяют обратиться к дальнейшему, более углубленному исследованию некоторых проблем лексики, семантики, этимологии различных ее тематических групп. Одной из подобных групп, которой посвящена данная статья, является свадебная терминология, которая возникла в результате своеобразного взаимодействия, сплава, контаминации вепской и русской духовных культур.

2. Культурологический фон становления свадебной терминологии

Свадебный ритуал, относящийся к обрядам семейного цикла, играл важную роль в жизни вепской деревни. Летом свадьбы проводились значительно реже [Колмогоров, 1913, с. 375]. Они осуществлялись преимущественно зимой в промежуток между двумя постами (от Крещения до Масленицы) [Винокурова, 1986, с. 54], а также осенью, когда заканчивались сельскохозяйственные работы. Этнолог И. Ю. Винокурова считает, что из традиционных ритуалов жизненного цикла вепсов свадебный являлся самым сложным и монументальным. Он сопровождался многозначным характером свадебной обрядности, в которую входили возрастная, обережная, любовная символика, символика установления межродо-

вых связей, продуцирующая символика и т. д. И, конечно, и в языковом отношении свадьба обладает обширной и самобытной группой лексики и терминологии. Для данной статьи из материалов «Лингвистического атласа вепсского языка» привлечены лишь сами вепсскоязычные именованья свадьбы, а также именованья главных фигур данного обряда — жениха и невесты.

Свадебный обряд у вепсов сохранился в более скромном виде, нежели похоронный, и именно на символике и содержании свадебного обряда значительнее сказалось воздействие русской культуры, что, очевидно, провоцировалось и рано возникшими межнациональными браками.

Свадебная традиция у вепсов была довольно мифологизирована и сопровождалась плачами или причитаниями, исключительно лиричными, построенными с привлечением большого количества аллитерации или созвучия в начале слов, например: *Puhoudaške pohjas poludespäi* ‘Подуйка (ветерок) с северной стороны’; *Veretan veresen vestizen* ‘Принесу свежую весточку’; *Kibedid kiruhid kiruht’t’a, rahkid radoižid rata* — букв. ‘В болезненной спешке спешить, тяжелую работу исполнять’ и т. д. [Жукова, 2015, с. 124]. Именно причитания хранят значительный слой исконной вепсской лексики и терминологии, связанной с фольклором, мифологией, духовной культурой. В причитаниях имеются термины, которые фольклористы называют метафорическими заменами. В свою очередь, метафорические замены — это условное обозначение лиц, упоминаемых в плачах. В народе считали, что нельзя напрямую называть участников обряда их именами, чтобы ненароком не взглянуть, не привлечь «нечистую силу» или беду и т. д. Эти метафорические замены, выступающие своеобразными терминами именованья участников свадебного обряда, в плачах поэтичны и иносказательны, они сохранили в себе сокровенное вепсское начало семейных отношений, семейной философии. Так, мать в плачах называют *kalliž kandjoihudem*, *kalliž kandeihut* ‘дорогая меня выносившая’, отца — *sõtai tatoihut* ‘кормилец-батюшка’, *vouged paštai päivoihut* ‘светлое светящее солнышко’, дочь — *makstukuine* ‘любимый комочек’, *kuudaine pähut* ‘золотая головушка’, *libed linduižem* ‘милая птичка’, сына — *sokol-sorzaine* ‘сокол-уточка’, *madal maksaine* ‘маленький милый’ и т. д. [ККК, 2012, с. 195—206]. Именно плачи сохранили истинную вепсскую духовную основу, чего нельзя сказать о терминах, обозначающих центральные понятия свадебного обряда: «свадьба», «жених», «невеста». Да и сам традиционный свадебный обряд, а вместе с ним и причитания «стали исчезать уже в довоенный период (до 40-х годов XX в.)» [Салве, 1986, с. 256].

3. Наименования понятия «свадьба»

В вепском языке зафиксировано две лексемы со значением ‘свадьба’. Наиболее широко используется русскоязычное заимствование *svadib*. Причем оно проникло в вепские говоры в двух вариантах: *svadib* ~ *svad'b* и *svar'b*. Лексема *svadib* и ее более сокращенный вариант *svad'b* характерны для северновепского диалекта, западных говоров средневепского диалекта, а *svar'b* — для южновепского диалекта. Если варианты *svadib* / *svad'b* возникли в ходе заимствования лексем, имеющих общерусское бытование, то вариант *svar'b* — это русское диалектное заимствование. Диалектная лексема *сварьба* и ее словообразовательные варианты широко представлены не только в северорусских народных говорах (вологдских, псковских, новгородских, тверских, костромских), но и в говорах Сибири — и существительное, и прилагательное, и глагол: *сварьба*, *сварбишный-сварбеишный*, *сварьбовать* и т. д. [СРНГ, вып. 36, с. 215], что сделало лексему *сварьба* довольно известной и за пределами русского языка, например, в вепском. М. Фасмер включает вариант *сварьба* в этимологическую статью лексемы *свадьба*, полагая, что на ее появление в русских народных говорах оказал воздействие диалектный глагол *свариться* ‘ссориться’ [Фасмер, т. 3, с. 568—569], и мы имеем в этом случае своеобразную контаминацию двух лексем.

В восточных (белозерских) говорах средневепского диалекта зафиксирована лексема *sai*: *vāta sai* ‘сыграть свадьбу’, *kucka saiha* ‘пригласить на свадьбу’ [СВЯ, с. 494]. Из близкородственных языков похожее существительное в варианте *saajad* с пометой «фольклорное» в значении ‘свадьба, свадебный поезд, гости на свадьбе’ отмечено лишь в эстонском языке [EVSR, т. 4, с. 318]. Более ранний этимологический словарь финского языка включал и эстонскую, и вепскую лексемы в одно этимологическое гнездо глагола *saada* ‘получить, добыть’ [SKES, т. 4, с. 933—934]. Однако новый этимологический словарь эти слова в данном гнезде уже не рассматривает [SSA]. Этимологический словарь эстонского языка вепскую лексему *sai* также не привлекает к соответствующей этимологической статье [EES, 2012, с. 453], оставляя вопрос открытым, хотя этот материал мог бы укладываться в ряд других известных науке вепско-эстонских параллелей, свидетельствуя о древних эстонско-вепских взаимосвязях (см. карту на рис. 2).

Для лексемы *sai*, принадлежащей войлахотскому говору восточной (белозерской) группы средневепских говоров, пока не удалось обнаружить соответствующих этимонов ни из известных этимологических словарей, ни из словарей родственных языков. В данной статье мы назовем ее вепской

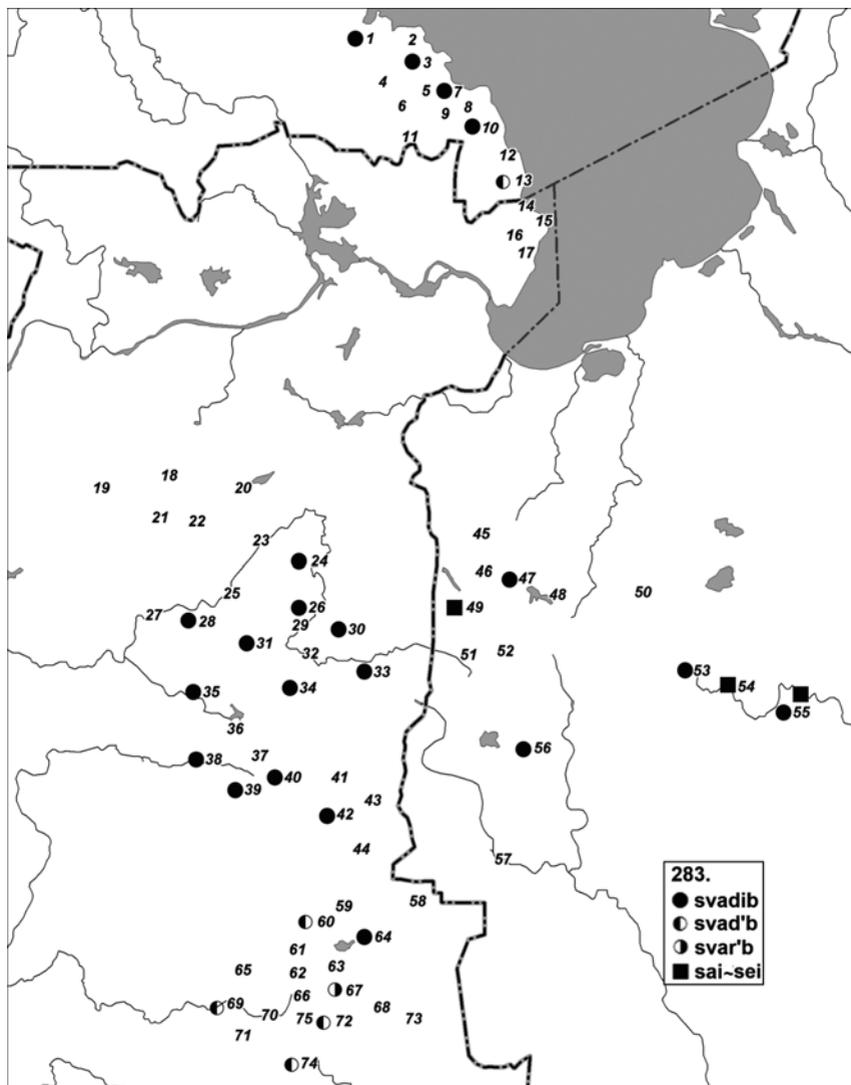

Рис. 2. Наименования понятия «свадьба»: карта

лексической инновацией, обладающей, по всей видимости, также метафорической семантикой, как и многие термины свадьбы: *sai* → от глагола *sada* 'получать, добывать'. И действительно в результате этого события жених

получал, добывал свою любимую (а возможно, ее добывали для него родители, которые присматривали для сына невесту, поскольку свадьбы далеко не всегда были по согласию) и жену. Лексема *sai* исторически представляет собой форму причастия презенса с суффиксом *-i* (*sa + i*). Впоследствии причастное значение слова *sai* ‘добывающий, получающий, завладевающий’ нивелировалось, приобретя субстантивное значение ‘свадьба’.

Таким образом, в вепском языке на самой его окраине сохранился сабытный термин *sai*, именующий свадьбу и являющийся, возможно, наследием древневепского языка, которое, будучи в названном регионе утраченным, тем не менее, проявляется в отдельных моментах, сказываясь на особенностях формирования диалектного ареала.

В свою очередь, более широко представленный в вепских говорах термин *svadib* и его варианты *svad' b* и *svar' b* являются русскими заимствованиями, свидетельствуя о влиянии русского языка не только на язык, но и на сам обряд, отдельные черты которого перешли к вепсам от соседнего русского населения.

4. Наименования понятий «жених» и «невеста»

Сбор наименований понятия «жених» для «Лингвистического атласа вепского языка» вызвал затруднения, поскольку они переплелись с номинациями, имеющими значения ‘милый’, ‘любимый’, ‘возлюбленный’, хотя понятно, что у жениха в сообществе должен быть иной статус, нежели просто у любимого.

Наиболее употребительным именованием жениха в вепских языковых ареалах выступает опять-таки русское заимствование *ženih* (см. карту на рис. 3). Оно широко вошло и в карельские, наиболее близкие вепскому языку, говоры в формах *ženihhä*, *ženihä*, *ženihu* в значении ‘жених; сваты, сватающие’ [KKS, т. 5, с. 335].

В свою очередь, восточновепским (белозерским) говорам свойственна лексема *oluh*, *oluh/hibg* (*oluh* ‘жених’ + *hibg* ‘тело’). Она пока в научном мире не имеет убедительной этимологии. Внешний вид вепской лексемы напоминает русское слово *олух*. Однако полагаем, что именно в этом случае вряд ли вепская лексема *oluh* является русским заимствованием. В русском языке слово *олух* широко употребительно в выражении ‘олух царя небесного’; лексеме возводят к первоначальному фонетическому облику *волух* ‘волобий пастух’ [Фасмер, т. 3, с. 136—137]. В языке же вепсов в термине *oluh* не чувствуется метафоры, свойственной свадебному обряду, а также какой-то иронии или насмешки. Выскажем идею о связи вепской лексемы *oluh* с финской *ylkä*, по сравнению с которой в языке

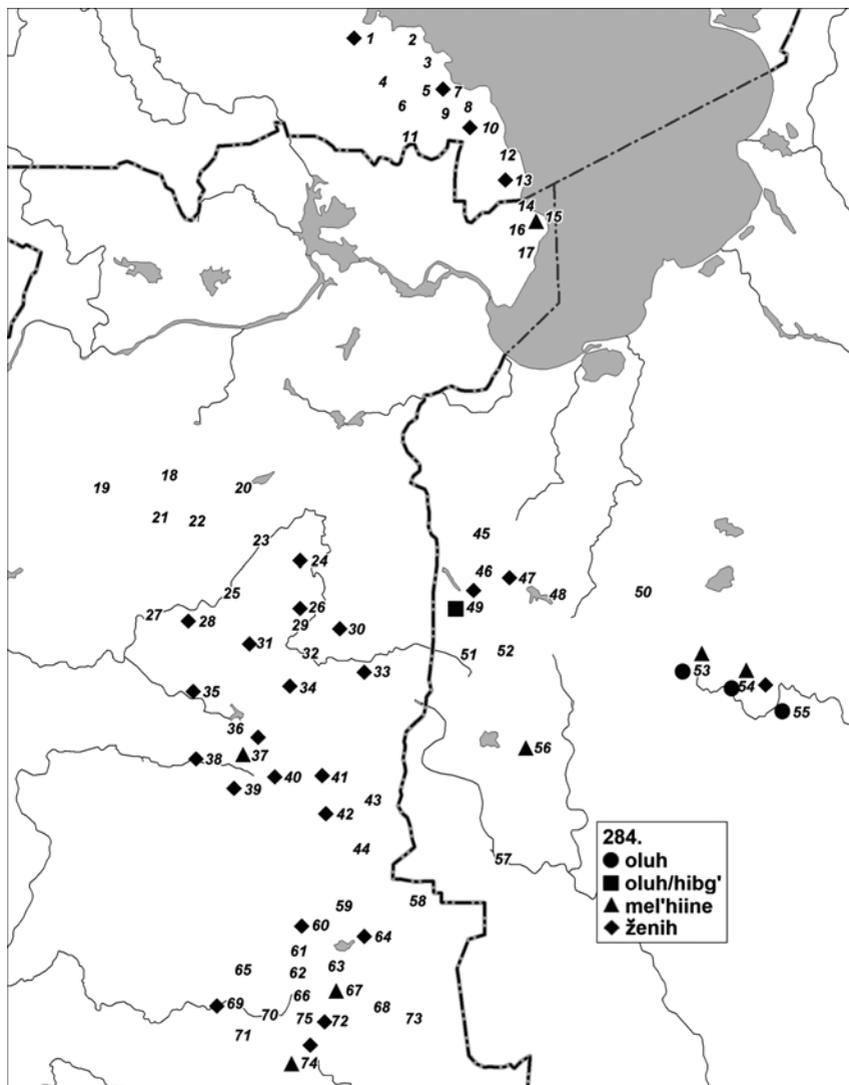

Рис. 3. Наименования понятия «жених»: карта

вепсов можно видеть перестановку звуков, что нередко встречается в любом языке, а также утрату гармонии гласных, что свойственно языку вепсов [ЛАВЯ, 2019, с. 46—53]. Правда, у нас пока нет полной уверенности

в том, что данная идея продуктивна. Лексема *ylkä* в прибалтийско-финских языках мало распространена. В финском языке (она отмечается еще в диалектах эстонского языка: *üle, ülgäv* ‘жених; мужчина’ [SSA, т. 3, с. 490]) она употребляется в возвышенном стиле в значении ‘жених’ со времен М. Агрикола, праотца финской письменности. По мнению К. Хяккинен, автора этимологического словаря финского литературного языка, лексема *ylkä* первоначально могла иметь вид *yrkä*, чему есть соответствия в дальнородственных языках, например, в марийском языке *erge* ‘мальчик, молодой человек’, в венгерском *er* употребляется в составе сложных слов, например, *ember* ‘человек’ [Häkkinen, 2007, с. 1533]. От мальчика до жениха расстояние немалое, однако семантически связь между ними вполне возможна. Так, например, в свое время вепсы и карелы заимствовали из русского языка, по одним представлениям, слово *пригожий* [SKES, т. 3, с. 619], по другим — русскую диалектную лексему *приятъ* ‘любимец высокопоставленного лица, фаворит’ [Мызников, 2011, с. 53] для наименования понятия ‘парень, молодой человек’ (вепский: *priha, prihä*; карельский: *briha, priha*). Больше бы такое заимствование подошло для девушки, поскольку для молодого человека не так важно быть милостивым или приятным. Является ли и вепское слово *oluh* в белозерских восточных говорах русским заимствованием лексемы *олух*, которое стало в них носителем семантики ‘жених’, или оно имеет иной прибалтийско-финский этимон (ср. финское *ylkä* ‘жених’), либо обладает субстратным характером, пока сказать затруднительно, это нуждается в дальнейших исследованиях.

В вепских диалектах жениха называют также словом *mel'hiine*, которое является производным от многозначного существительного *mel'* ‘настроение, ум, мысли’ [SSA, т. 2, с. 165]. Данная лексема в вепском языке выступает в качестве общего наименования возлюбленного или возлюбленной и не всегда без контекста понятна.

В свою очередь, вепскоязычное наименование невесты не было первоначально выявлено практически нигде и по этой причине не было включено в вопросник «Лингвистического атласа вепского языка» по сбору материала для лингвистической карты. В языке активно используется заимствование из русского языка лексемы *nevest. Kucuiba vodjan svad' baha vod' mähä nevestad* ‘Позвали вожею на свадьбу водить **невесту**’ [СВЯ, с. 637]. В ряде говоров невесту называют еще и просто *девушкой* или *девочкой* (< русский): *Eduu enttšil vozil devotskan vedeliba, kudam itše ej mahtand voikta, paukteliba uugaštajan* [NÄKM, 1951, с. 335] ‘Раньше в прежние годы **невесту** водили, которая сама не умела плакать (причитывать), нанимали причитальщицу’.

Отметим, что восточные белозерские куйско-пондальские вепсы (Бабаевский район Вологодской области) девушку называют русским заимствованием *döočk* (в других диалектах *neižne*, *neidiine* ‘девушка’), закрепив за лексемой *niižne* значение ‘невеста’, которое попало также и в поле зрения авторов «Словаря вепского языка» и показано в нем в качестве второго значения слова *neižne* [СВЯ, с. 358]. Однако в названных говорах имеется также лексема *neičiine* ~ *niičiine*, употребляемая именно в значении ‘невеста’. Она является соответствием южновепской форме *neidīne*, у которой значение осталось в семантическом поле ‘девушка’ и не появилось значение ‘невеста’. В родственных прибалтийско-финских языках, где также имеются соответствия вепской лексеме, ее значение — ‘девушка, молодая незамужняя женщина’ [SSA, т. 2, с. 211—212]. Таким образом, белозерские говоры стремились к образованию собственного термина для передачи значения ‘невеста’. В них наряду с лексемами *niižne* ‘девушка’, *niičukaine* ‘девочка’ появилась в собственном фонетическом оформлении и стала функционировать лексема *niičiine* ‘невеста’.

В этих же говорах, по свидетельству СВЯ и по нашим наблюдениям, наиболее полно представлены и другие свадебные термины: *kozita* ‘сватать’, *mānda kozile* ‘идти сватать’, *kozimehed* ‘сваты’ [СВЯ, с. 231]. В других вепских диалектных ареалах в этом случае чаще используются русские заимствования: *nevest* ‘невеста’, *ženih* ‘жених’, *svataida* ‘сватать’, *mānda svathuzile* ‘идти сватать’. Это явление, видимо, отражает более длительное сохранение у восточной группы вепсов собственного свадебного обряда. Кроме того, именно восточные средневепские говоры, как свидетельствуют и материалы «Лингвистического атласа вепского языка», обладают и иными лексическими, а также топонимическими вкраплениями, которые затемнены, и за которыми могут скрываться следы субстрата, конкретные истоки которого еще предстоит выявить в ходе дальнейших исследований.

5. Заключение

Таким образом, материал наименований всего трех понятий свадебного обряда пролил свет на некоторые пути формирования диалектных ареалов. При этом лексика такого важного семантического пласта, связанная с семьей, родственными отношениями, свадьбой, свидетельствует о значительном влиянии русского языка. Очевидно, свадьба, получение мужчиной и девушкой в окружающем сообществе иного статуса, значимость данного события для социального положения, отражавшаяся и на государственном

уровне, в различных деловых бумагах, повлияли на сами вепские термины, которые во многих говорах были заменены русскими соответствиями.

Сохранившиеся или возникшие в восточновепских белозерских говорах, находящихся на самом востоке вепского языкового, довольно обрусевшего, ареала, наименования свадьбы — *sai*, жениха — *oluh*, невесты — *niičiine* говорят о стремлении пограничных говоров сохранить исконное наследие, проявляющееся, кроме того, и в консервации архаических признаков, наличии раритетных, этимологически затемненных лексем, что может свидетельствовать также и о следах субстрата, истоки которого предстоит установить в ходе дальнейших изысканий. В свете сказанного нельзя, возможно, отрицать также и субстратный характер лексемы *oluh* (а возможно, и *sai*). Отметим, что в языковом отношении вепские белозерские говоры, с одной стороны, демонстрируют значительное единство с более северными говорами как следствие миграции населения из-за северных и западных пределов Белозерья, с другой — включают, возможно, языковое наследие древнего не вепского населения [Зайцева и др., 2018, с. 98; ЛАВЯ, 2019, с. 544].

Источники и принятые сокращения

1. ЛАВЯ — *Лингвистический атлас* вепского языка / ред. Н. Г. Зайцевой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 573 с.
2. СВЯ — *Зайцева М. И.* Словарь вепского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 745 с.
3. СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Москва : [б. и.] ; Ленинград : Наука, Ленинградское отд., 1965—2016. — Вып. 1—49.
4. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* / М. Фасмер ; пер. с нем. О. Н. Трубачева. — Москва, 1986—1987. — Т. 1—4.
5. EES — *Metsmägi Iris*. Eesti etümoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud / Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar ; Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. — Tallinn, 2012. — 792 с.
6. EVSR — *Eesti-vene sõnaraamat* = Эстонско-русский словарь. — Таллинн, 1997—2016. — Т. 1—4.
7. ККК — *Käte-ške käbedaks kägoihudeks* = Обернись-ка милой кукушечкой. Вепские причитания / сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск, 2012. — 224 с.
8. ККС — *Karjalan kielen sanakirja / päätoim.: Pertti Virtaranta* [et al.]. — Helsinki, 1968—2005. — Vol. I—VI.
9. NÄKM — *Setälä E. N. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista* / E. N. Setälä, J. H. Kala. — Helsinki : Suomalais-ugrilaisen Seuran, 1951. — Vol. 100.
10. SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. — Helsinki, 1955—1981. — Vol. I—VII.
11. SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. — Jyväskylä, 1992—2000. — Vol. I—III.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокурова И. Ю.* Некоторые итоги изучения вепского народного календаря / И. Ю. Винокурова // Этнокультурные процессы в Карелии. — Петрозаводск : КФАН, 1986. — С. 49—65.
2. *Жукова О. Ю.* Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова / О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2015. — 148 с.
3. *Зайцева Н. Г.* Формирование диалектной карты вепского языка (на материале «Лингвистического атласа вепского языка») / Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен // Вопросы языкознания, 2018. — № 6. — С. 85—103. — DOI: 10.31857/S0373658X0002021-2.
4. *Колмогоров А. И.* Чухарская свадьба (Черты обрядовой жизни у чухарей) / А. И. Колмогоров // Сборник в честь 70-летия Д. М. Анучина. — Москва, 1913.
5. *Леннрот Э.* Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828—1842 / Э. Леннрот. — Петрозаводск : Карелия, 1985. — 320 с.
6. *Мызников С. А.* О некоторых лексемах русского происхождения в вепском фольклорном тексте / С. А. Мызников // Материалы XL Международной филологической конференции. Уралистика. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 53—55.
7. *Салве К.* О функциях, поэтике и способах исполнения средневепских свадебных причитаний / К. Салве // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. — Таллин : Ээсти раамат, 1986. — С. 253—271.
8. *Atlas Linguarum Fennicarum (ALFE).* — Helsinki, 2004—2010. — Vol. I—III.
9. *Häkkinen K.* Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. — Juva, 2007.
10. *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria / E. A. Tunkelo // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. — Helsinki, 1946. — № 228. — 922 с.

VEPS WEDDING TERMINOLOGY IN THE ETYMOLOGICAL AND LINGUO-GEOGRAPHICAL ASPECTS (VEPS VS. RUSSIAN)

© **Nina G. Zaitseva (2019)**, orcid.org/0000-0002-8335-2137, Doctor of Philology, Head of the Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), zng@ro.ru.

© **Olga Yu. Zhukova (2019)**, orcid.org/0000-0001-9527-7982, PhD in Philology, Junior Researcher, Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), olgazhukovaveps@mail.ru.

The relevance and novelty of the study is based on the material of the “Linguistic Atlas of the Vepsian Language” (St. Petersburg, 2019), an etymological and linguo-geographical analysis of terms important from the point of view of spiritual culture that characterize the group of wedding vocabulary. The terms in question (designations of a wedding, bride and groom) fit both in the cultural background and in the language processes that were reflected in the formation of the dialectal areas of the Veps language. The results of a comparative analysis indicate the impact of the Russian language on a significant group of Veps dialects, which led

to the supplantation and replacement of the main terms of the wedding ceremony with Russian lexemes (*wedding, bridegroom, bride*). The study emphasizes the peculiarity of the eastern (Belozersky) dialects (the periphery of the Veps language range), which retained their own terms for the names of the analyzed concepts. It is shown that these dialects are characterized by the conservation of archaic characters, the presence of rare (in this case, *sai*) and etymologically darkened (*oluh*) lexical items, which so far have not been able to detect etymons in related languages. The authors believe that this fact, coupled with other features of dialects, may indicate traces of the substrate, the origins of which have yet to be clarified.

Key words: Veps language; vocabulary; terminology; etymology; linguistic geography; language contacts; wedding vocabulary; groom; bride.

MATERIAL RESOURCES

- EES — Metsmägi, I., Sedrik, M., Soosaar, S. (2012). *Eesti etimoloogiaõnaraamat. Koostanud ja toimetanud*. Tallinn. (In Eston.).
- EVSР — *Eesti-vene sõnaraamat = Estonsko-russkiy slovar'*. (1997—2016). Tallinn. 1—4. (In Eston.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moskva. 1—4. (In Russ.).
- KKK — Zaytseva, N. G., Zhukova, O. Yu. (ed.). (2012). *Käte-ške käbedaks kägoihudeks = Obernis'-ka miloy kukushechkoy. Vepsskie prichitaniya*. Petrozavodsk. (In Russ.).
- KKS — Pertti, Virtaranta. (ed.). (1968—2005). *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki. I—VI. (In Karel.).
- LAVYa — Zaytseva, N. G. (ed.). (2019). *Lingvisticheskiy atlas vepsskogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- NÄKM — Setälä, E. N., Kala, J. H. (1951). *Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista*. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran. 100. (In Finn.).
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. (1955—1981). Helsinki. I—VII. (In Finn.).
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. (1965—2016). Moskva; Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd. 1—49. (In Russ.).
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. (1992—2000). Jyväskylä. I—III. (In Finn.).
- SVYa — Zaytseva, M. I., Mullonen, M. I. (1972). *Slovar' vepsskogo yazyka*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russ.).

REFERENCES

- Atlas Linguarum Fennicarum (ALFE)*. (2004—2010). Helsinki. I—III. (In Finn.).
- Häkkinen, K. (2007). *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva. (In Finn.).
- Kolmogorov, A. I. (1913). Chukharskaya svad'ba (Cherty obryadovoy zhizni u chukharey) In: *Sbornik v chest' 70-letiya D. M. Anuchina*. Moskva. (In Russ.).
- Lenrot, E. (1985). *Puteshestviya Eliasa Lennrota. Putevye zametki, dnevniki, pis'ma. 1828—1842*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).
- Myznikov, S. A. (2011). O nekotorykh leksemakh russkogo proiskhozhdeniya v vepsskom folklornom tekste. In: *Materialy XL Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii. Uralistika*. Sankt-Peterburg. 53—55. (In Russ.).

- Salve, K. (1986). O funktsiyakh, poetike i sposobakh ispolneniya srednevepsskikh svadebnykh prichitaniy. In: *Muzyka v svadebnom obryade finno-ugrov i sosednikh narodov*. Tallinn. 253—271. (In Russ.).
- Tunkelo, E. A. (1946). Vepsän kielen äännehistoria. In: *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia*. Helsinki. 228: 922. (In Finn.).
- Vinokurova, I. Yu. (1986). Nekotoryye itogi izucheniya vepsskogo narodnogo kalendarya. In: *Etnokulturnyye protsessy v Karelii*. Petrozavodsk: KFAN. 49—65. (In Russ.).
- Zaitseva, N. G. Mullonen, I. I. (2018). Formirovaniye dialektnoy karty vepsskogo yazyka (na materiale «Lingvisticheskogo atlasa vepsskogo yazyka»). *Voprosy yazykoznaviya*, 6: 85—103. DOI: 10.31857/S0373658X0002021-2. (In Russ.).
- Zhukova, O. Yu. (2015). *Vepsskiye obryadovyye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova*. Petrozavodsk: KarNTs RAN. (In Russ.).